

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Кафедра немецкой филологии и лингводидактики

Язык и знание

Материалы V межвузовского научного семинара «Язык и знание»
Брест, 13 июня 2019

Брест 2019

Язык и знание: материалы V межвузовского научного семинара «Язык и знание», Брест, 13 июня 2019 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; отв. редактор Т.А. Кальчук. – Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, 2019. – 38 с.

В сборник вошли материалы V межвузовского научного семинара «Язык и знание», который проходил 13 июня 2019 года на базе факультета иностранных языков Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Сборник включает материалы докладов, заслушанных на семинаре.

Ответственность за содержание и стиль публикуемых материалов несут авторы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Буров А.А. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Проблема эквивалентности художественного перевода	4
Дягель С.Н. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Пространственно-временная категоризация ранних баллад И.В. Гете.....	7
Кальчук Т.А. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Национально-культурная специфика реалий.....	11
Ківака В.В. (БрДУ імя А.С. Пушкіна) Спецыфіка перакладу субстантывавальных прыметнікаў у навеле Ш. Цвэйга “Амок” на беларускую мову.....	15
Королюк И.П. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Имплицитное отрицание в языке.....	18
Нестерук И.Ф. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Дидактические основы эвристического обучения.....	20
Пилипенко С.А. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Графическая специфика неологизмов в немецком языке	21
Сацук А.П. (БрГУ имени А.С. Пушкина) Методические приемы активизации речевого взаимодействия на уроках немецкого языка.....	23
Тарашкевич Е.И. (ВА Республики Беларусь) Особенности изучения и перевода военных терминов при обучении иностранному языку курсантов военного вуза.....	27
Тарашкевич Е.И. (ВА Республики Беларусь) Проектирование содержания иноязычной подготовки на первой ступени высшего образования.....	32
Тарашкевич Е.И., Короткин В.А. (ВА Республики Беларусь) Профессия переводчика: романтика и будни.....	34

А.А. БУРОВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Для современного общества характерна потребность во взаимодействии и сотрудничестве между народами и культурами. Только совместными усилиями человечество сможет решить большинство проблем, которые нас окружают и с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Именно это и дало толчок для широкого и стремительного развития переводческой деятельности.

Особое место занимает перевод художественной литературы. В качестве основной его отличительной характеристики ученые считают особую эстетическую направленность информации переводимых текстов.

Художественный перевод существенно отличается от других видов перевода (информативный, специальный, общественно-политический), так как он требует от переводчика способности сохранить сюжет произведения, не нарушая при этом ту атмосферу, в котором это произведение уже написано автором. Можно сказать, что переводчик является почти тем же самым писателем, так как он заново создает книгу, пишет ее для читателя. И неудивительно, что художественный перевод имеет ряд особенностей.

В лингвистической теории перевода, которая занимает ведущее место в отечественной переводческой традиции, в качестве основания для сравнения и оценки текстов оригинала и их переводов выступает понятие «эквивалентность», которое само по себе не предполагает вариативности. Напротив, постулируется существование оптимального и единственного эквивалента перевода текста, а все переводы одного текста рассматриваются с точки зрения большего или меньшего приближения к идеалу. Тот факт, что переводы одного и того же текста могут быть и очень часто бывают принципиально разными, не учитывается и не входит в состав этой парадигмы, поэтому многие века переводческой деятельности просто выпадают из теории.

Идея «эквивалентности» на протяжении многих лет господствует в отечественной теории перевода. Однако в большинстве случаев при переводе «эквивалентность» труднодостижима и существует как идеал для переводчиков, к которому нужно стремиться. В принимающей культуре сосуществуют и функционируют различные варианты перевода одного и того же текста оригинала, выполненные с точки зрения разных переводческих позиций.

Одной из главных задач встающих перед переводчиком является максимально полная передача содержания оригинала, а также сохранение явной общности содержания оригинала и его перевода. Из этого следует,

что равноценность, равнозначность между содержанием оригинала и перевода обозначается термином «эквивалентность». Большинство ученых считают, что абсолютная эквивалентность текста оригинала и текста перевода невозможна из-за семантических, структурных и прагматических различий между языками. При этом они трактуют и описывают специфику понятия эквивалентности по-разному.

Л.С. Бархударов определяет эквивалентность как семантическую категорию, так как она означает совпадение содержания текстов на разных языках. Также ученый отмечает, что равноценность текста оригинала и текста перевода устанавливается на уровне текста как целого, а не на уровне отдельно взятых языковых знаков и не на уровне изолированных предложений, а на уровне текста как целого [1, с. 184–186].

Л.К. Латышев рассматривает эквивалентность как категорию, в которой главным критерием равноценности текста оригинала и текста перевода считается реакция получателей исходного и переводного текстов. При этом главным образом имеется в виду объективная, заложенная в исходном и переводном текстах возможность воздействия среды двух текстов равноценным образом на адресатов, а не совпадение реакция двух отдельно взятых людей [2, с. 25–29].

Эквивалентным переводом называется перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности. По определению любой адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод признается адекватным, а лишь тот, который отвечает, помимо нормы эквивалентности, и другим нормативным требованиям.

В отечественном переводоведении сформулированы три основных подхода к решению проблемы переводческой эквивалентности.

До последнего времени в переводоведении ведущее место принадлежало лингвистическим теориям перевода, в которых доминирует традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки. При таком подходе задачи переводчика могут быть сведены к максимально точной передаче текста оригинала языком перевода в его полном объеме. Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. А.В. Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Однако этот тезис не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически противоречат исходному определению [3, с. 125–128]. Но

Л.С. Бархударов говорит, что о неизменности «можно говорить лишь в относительном смысле», что «при переводе неизбежны потери, т. е. имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника». Исходя из этого Л.С. Бархударов делает закономерный вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника» [1, с. 10–11]. Этот подход к переводу дал основания для появления так называемой теории непереводаемости, согласно которой перевод вообще невозможен. Безусловно, уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка, не говоря уже о различии культур, позволяет утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно.

Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто в роли такого инварианта выступает либо функция текста оригинала, либо в этом тексте описываемая ситуация. Другими словами, если перевод может выполнить ту же функцию или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен. Л.С. Бархударов, Г. Егер, Н.К. Гарбовский и др. подчеркивают относительность понятия «эквивалентность» – «эквивалентность более идеал, нежели реальность» [1, с. 189].

Третий подход к определению переводческой эквивалентности представлен в работах В.Н. Комиссарова. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большое число реально выполненных переводов с их оригиналами и выяснить, на чем основывается их эквивалентность. В.Н. Комиссаров сделал вывод о том, что степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала [4, с. 49–51].

Если мы рассматриваем проблемы эквивалентности и адекватности перевода и оригинала и причины возникновения нескольких вариантов перевода одного и того же текста, то следует обратиться к работе С. Росса. Исследователь указывал, что недостаточно передать в переводе намерение автора, поскольку в этом случае пришлось бы признать, что может существовать лишь один правильный перевод. На самом деле перевод отражает понимание переводчиком оригинала, а всякое понимание – это одно из возможных толкований текста на основе внешних факторов. Речь может идти лишь о подобии перевода оригиналу, которое допускает 4 различные трактовки: существует какое-то единое произведение, заключенное в тексте и выводимое из текста или из намерения автора. Если переводчик правильно его интерпретирует, то и перевод может быть объективно верным – этот подход и отражает суть теории эквивалентности;

перевод – это сложный процесс, протекающий под воздействием множества факторов. Передать эквивалентно все, содержащееся в оригинале, практически невозможно. Необходимо делать выбор, а отсюда и возникает принципиальная множественность решений, что и приводит к вариативности и позиционности, и наличию нескольких вариантов перевода; перевод – это эвристический процесс, попытка перебросить мост между различными эпохами и мирами [5].

Таким образом, мы можем сказать, что объективного перевода не бывает, в лучшем случае достигается удачное раскрытие различия миров. С этой точки зрения, перевод это один из возможных миров, которых может быть множество, как и множество различных вариантов переводов художественного текста. Согласно этому положению допускается и объясняется наличие множества вариантов перевода текста, которые сосуществуют в культуре, а мировая переводческая деятельность в области художественного текста показывает, что переводов одного и того же, а особенно культурозначимого текста, может быть и реально бывает много.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Латышев, Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л.К. Латышев. – М. : Международные отношения, 1981. – 248 с.
3. Федоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы : Очерки / А.В. Федоров. – Д. : Сов. Писатель, 1983. – 352 с.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.
5. Ross, C.D. Translation and similarity // C.D. Rose. / Translation Spectrum. – Albany, 1981. – 453 p.

С.Н. ДЯГЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ РАННИХ БАЛЛАД И.В. ГЕТЕ

Проблема организации пространственно-временной структуры художественного произведения находится в центре внимания многих исследователей, растет число научных работ, посвященных пространственно-временной категоризации различных литературных жанров. Перед исследователями стоит задача определения роли

пространственно-временных отношений в сюжетостроении, а также выявления корпуса языковых единиц, выражающих эти отношения.

Время и пространство составляют основу сюжетов (под сюжетом мы понимаем цепь событий, воссозданных в литературном произведении, т. е. жизнь персонажей в ее пространственно-временных измерениях, в сменяющихся друг друга положениях и обстоятельствах). Характер условности пространства и времени в художественном произведении зависит от рода литературы. Родовая специфика обуславливает и способы пространственно-временной организации жанра баллады. Определяющими для структуры балладного хронотопа являются такие свойства, как повествовательность, одноконфликтность, фрагментарность изложения, наличие диалогической формы повествования, различного рода повторов. Балладное время делится на эпическое, обозначенное приметами и реалиями какой-либо эпохи, и балладное, в котором события развернуты во времени, лишенном конкретных исторических примет. Авторы баллад предпочитают сумеречное время суток, когда контуры реального мира размываются. Сюжет баллады часто сжимает время, жизнь в ней проходит ускоренно, события протекают прерывисто. Напряженность действия в балладе подчеркивается обычно особым стремительным стихотворным ритмом. Для балладного хронотопа характерно также особое художественное пространство с общими культурологическими мифологемами. Так, в балладах дорога персонажей часто пролегает через лес, холмы, реку, что отражает мифологическую интерпретацию пространства, когда пересечение границы всякого топоса обозначает смерть персонажа. Это объясняется фольклорными корнями литературной баллады.

И.В. Гете неоднократно обращался к жанру баллады на протяжении всей своей долгой литературной жизни. Сравнительно-сопоставительный анализ корпуса баллад Гете разных периодов показывает их жанровую неоднородность. Баллада – это смешанный, лиро-эпический жанр. Наличие черт лирики или эпоса в конкретных текстах баллады неравномерно. Вследствие этого выделяются баллады преимущественно эпического и преимущественно лирического характера. Ранние баллады Гете, написанные им в период «Бури и натиска» и в первое Веймарское десятилетие, являются преимущественно лирическими, баллады классического периода – преимущественно эпическими. Соответственно хронотопы баллад Гете разных периодов характеризуются вариативностью в зависимости от преобладания в конкретных текстах черт лирики либо эпоса.

Рассмотрение пространственно-временной структуры произведения предполагает анализ указаний на место и время действия в тексте и характерного словоупотребления. Художественное время анализируемых баллад при этом определяется как время событий, из которых складывается

сюжет, т. е. как время событийное. Временные отношения в тексте выражаются видо-временными формами глаголов и лексическими показателями времени, а также дейктическими средствами языка. Художественное пространство является более самостоятельной категорией, описаниям места действия в текстах часто уделяется много внимания. При этом художественное пространство – это не только ландшафты и интерьеры, но и весь пространственный континуум текста, в котором отражается мир субъекта и который образует некий топос. Система пространственных отношений, возникающая в процессе изображения вещей, предметов, в окружении которых действуют персонажи, образует структуру топоса. Кодирование пространства связано с перемещением в нем и осуществляется с помощью топонимов и лексики топонимического значения [1, с.182–183].

Рассмотрим особенности художественного хронотопа ранних баллад Гете на примере одной из его первых баллад «Der König von Thule» («Фульский король»), написанной в 1774 г. В ней рассказывается о короле, которому умершая возлюбленная подарила золотой кубок. Кубок выступает здесь символом вечной любви. В память о возлюбленной король не расстается с ним, а когда его смерть уже близка, он раздает все, чем владеет, кроме этого кубка. В день своей смерти, сделав последний глоток, он выбрасывает кубок в море. В этой балладе, как во многих других ранних балладах Гете, чувствуется влияние фольклорной традиции. Начальная строка баллады „*Es war ein König in Thule*“ напоминает инициальные формулы сказок, она особым образом настраивает читателя / слушателя на восприятие последующих событий, вводит в своеобразную сказочную реальность. Во временной модели балладного повествования можно выделить два вида маркеров времени: макролокусы и микролокусы. Временной макролокус, т.е. временной указатель, относящийся к конкретному событию или эпохе, встречается только в балладах эпического характера. В данной балладе представлены микролокусы временной структуры, фиксирующие во времени эпизоды, важные для развития повествования. Они выражены неопределенным местоимением „*jeden Schmaus*“ и наречием „*oft*“, указывающими на повторяемость событий, длительность временного отрезка, а также придаточным предложением времени „*...und als er kam zu sterben*“, указывающим на соотнесенность событий во времени. Отнесенность описываемых событий к прошлому выражается также видо-временными формами глаголов: в тексте баллады использована форма прошедшего времени Präteritum (*war, gab, ging, leerte, trank, kam, zählte, gönnte, saß, stand, warf, sah*). В данной балладе мы наблюдаем стяжение времени, когда объемное по содержанию событие (вся жизнь короля) представлено компактно. Течение времени отображено фрагментарно, показаны самые важные события в жизни короля – подарок умершей возлюбленной и его смерть. Обычно событийное время в фольклорной балладе движется в одном направлении и не возвращается

назад. Хотя баллада Гете явно ориентирована на фольклорные образцы, в ней просматривается усложненная сюжетно-временная схема, нарушающая принцип однонаправленности событий. Так, уже в первой строфе присутствует как ретроспективный показ событий прошлого, так и сообщение о дальнейшей судьбе короля: „*Es war ein König in Thule / Gar treu bis an das Grab / Dem sterbend seine Buhle / Einen goldenen Becher gab.*

Пространственная модель представлена на макро- и микроуровне. Так, место действия обозначается макротопонимом *Thule*. Это – вымышленное пространство, своего рода край света (мифический Thule был по античным представлениям самым северным островом, до которого доплывали греческие моряки). Выбор подобного макротопонима акцентирует внимание на отграниченности мира данной баллады от мира реальности. Кодирование пространства на микроуровне осуществляется различными макротопонимами, которые выражены обстоятельствами места (*im Reich, auf hohem Vätersaale, dort auf dem Schloss am Meer*), а также различными приставками и предлогами, указывающими на направление движения в пространстве (*und warf den heiligen Becher hinunter in die Flut, tief ins Meer*). В балладе представлены разные типы пространства: действие происходит как в замкнутом пространстве (*auf hohem Vätersaale, auf dem Schloss*), так и в открытом, на берегу моря, в которое умирающий король бросает кубок. Море относится к устойчивым литературным топосам и символизирует бесконечность: наблюдая за тем, как кубок опускается на дно, король умирает.

На примере проанализированного текста мы можем выделить следующие характерные черты хронотопа ранних баллад Гете: поскольку в них преобладает лирический компонент, из сюжета убираются подробности и детали, поэт фокусирует внимание только на кульминационных моментах; фабула разворачивается как лирическое переживание, когда главным становится не само событие, а отклик на него; сюжетное время замкнуто в рамках сюжетной канвы; события локализуются во времени лишь относительно друг друга; темпоральный макролокус в них отсутствует, количество минилокусов незначительно, об отнесенности событий к прошлому свидетельствуют только видо-временные формы глаголов; временная последовательность эпизодов, как правило, непрерывна, но в некоторых случаях наблюдаются ахронии; пространственная модель представлена в основном макротопонимами либо, значительно реже, мифическими макротопонимами; кодирование пространства обусловлено спецификой повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова, Т. И. Пространственно-временная категоризация текста баллады (на материале английских фольклорных баллад) /

Т. И. Воронцова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2003. – С. 181–189.

2. Goethe, J. W. Gedichte / J. W. Goethe. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1976. – 618 S.

Т.А. КАЛЬЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЙ

Изучение иностранного языка целесообразно осуществлять в тесной связи с миром изучаемого языка, т. е. на широком фоне социальной, культурной, политической жизни другого народа. В процессе обучения иностранному языку происходит овладение не только самим иностранным языком, но и определенными знаниями, отсутствующими у обучающихся до начала обучения. Знания, присутствующие в сознании участников коммуникативного акта, получили название фоновых. Фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения [1, с. 54]. Освоение фоновых знаний представляется наиболее плодотворным посредством лексики с национально-культурной семантикой. Именно такой пласт лексики, как лингвокультурные реалии, отличаются особо выраженной национально-культурной семантикой.

Под лингвокультурными реалиями мы понимаем реалии, которые эксплицируют информацию с «этнических позиций», выражают национальный колорит и маркируют наиболее значимые для носителей языка культурные явления. Например: *адвент-календарь* ‘специальный календарь в европейских странах, показывающий время, остающееся до Рождества’, *ландрат* ‘глава местного управления в Германии и законодательный орган (в некоторых кантонах Швейцарии)’. В лексическом отношении слова-реалии отличаются от остальных тем, что, кроме перевода, требуют дополнительных пояснений, а в существующих словарях такие пояснения отсутствуют.

Согласно лингвострановедческой теории слова, национально-культурная специфика семантики лексической единицы обеспечивается содержанием в ней национально-культурных семантических долей. Под национально-культурными семантическими долями понимают семантические признаки, которые формируются, складываются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности. Тем самым национально-культурные семантические доли являются базовыми компонентами национально-культурного компонента реалии.

Национально-культурная специфика лексических единиц связана напрямую с фоновыми знаниями, под которыми понимают в лингвистике, как мы уже упоминали выше, весь комплекс ассоциаций народа-носителя об окружающей действительности, связанных с обозначаемым словом предметом [2, с. 112]. Содержание фоновой информации охватывает прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п. – т. е. все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Например, фоновая информация лингвокультурной реалии *der Riesling* ‘aus den Trauben des Rieslings hergestellter feiner, fruchtiger Weißwein mit zartem Bukett, leichter Säure und mäßigem Alkoholgehalt’ заложена в самой реалии, ибо *рислинг* является сортом винограда, используемым для производства белых вин, выращивается главным образом в Германии. Изготавливаемое из этого сорта винограда вино, относится к полусухим или сухим и является одним из самых лучших белых вин в мире, производимых только в Германии. Все это и составляет фоновую информацию данной лексической единицы, которая реализуется имплицитно в значении слова *der Riesling*.

Очень непросто является вопрос отбора информации из категории исторических, географических и социально-политических фоновых знаний. Крайне сложно оценить, что именно известно среднему представителю данного общества (даты, имена, названия, события, их причины и последствия и т.п.), в каком объеме и насколько эта информация релевантна для межкультурного взаимопонимания.

Национально-культурный компонент не содержит специальных эксплицитных морфологических показателей, он связан с предметно-логическим значением слова и лишь в совокупности с ним выражает информацию, которая воспринимается как связанная с определенной лингвокультурной общностью. Именно поэтому анализ семных структур лингвокультурных реалий показывает, что лексическое значение данных лексем содержит национально-культурную фоновую информацию, под которой понимают «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой ее представителей и отраженные в языке данной национальной общности [3, с. 87]. Специфический лексический фон реалий неизвестен заимствующему народу, что требует введение в дефиницию слова-реалии дополнительных лексических маркеров, призванных как-то компенсировать данное незнание. Так, в составе лексико-семантической системы языка лингвокультурные реалии могут быть хронологически-маркированными. Это значит, что лексической единице соответствует определенный маркер, который позволяет выделить временной отрезок существования реалии. Этими маркерами могут выступать года существования определенной

реалии или место, где осуществлялось действие, также явление, которое обозначает реалия. Ср.:

нем. <i>der Reichsnährstand</i> 'Bauernorganisation im Deutschen Reich'	русск. <i>имперское земельное сословие</i> 'официальная фермерская организация в <u>Немецком Рейхе</u> в 1933–1945 годах'
--	--

Данная реалия содержит маркеры существования лингвокультурной реалии, которыми выступают года (1933–1945), а также эпоха (в Немецком Рейхе).

Анализ семантической структуры лингвокультурных реалий немецкого языка показал, что национально-культурный компонент данных лексических единиц содержит в своем составе следующие национально-культурные семы: «локальность», «временную отнесенность» и «национальная принадлежность».

Сема «локальность» определяет участок действительности, в пределах которого распространена данная реалия, и выражается в словарных дефинициях немецких реалий в основном лексемами *Германия, Швейцария, Западная Европа*. Например:

нем. <i>der Kellner</i> 'Angestellter in einer Gaststätte, der die Gäste bedient (Berufsbezeichnung)'	русск. <i>кельнер</i> 'работник предприятия общественного питания (чаще всего в пивной), обслуживающий посетителей в некоторых западноевропейских странах, таких как <u>Германия, Швейцария</u> '
--	--

Данный пример показывает, что в русском языке, для более корректного и доступного понимания иноязычной реалии употребляется сема «локальность», которая выражается в лексических маркерах *Германия, Швейцария*.

Сема «национальная принадлежность» соотносит реалии с жизнью немецкого народа и эксплицитно выражается в дефиниции словами *немецкий, германский, западноевропейский*. Например:

нем. <i>der Elf</i> 'zarter, anmutiger Naturgeist aus der Welt der Sagen und Märchen'	русск. <i>эльф</i> ' <u>в германской мифологии</u> ; сказочное существо, дух'
--	--

Данный пример показывает, что сема «национальная принадлежность» эксплицируется с помощью словосочетания *в германской мифологии*, которое однозначно относит данную реалию к немецкой культуре.

Сема «национальная принадлежность» показывает принадлежность лица к конкретному этносу, характеризующемуся общностью языка, психического склада, культуры, самосознания и т.п. За каждым народом скрыта долгая, очень трудная, но богатая событиями история, поэтому

разные народы – это разные традиции, обычаи, нормы и ценности. Все это составляет культуру народа. Сема «национальная принадлежность» содержит конкретную информацию о немецком этносе, которому принадлежит рассматриваемая лексическая единица вне зависимости от территориальной отнесенности и реализуется, в основном, лексическим маркером *немецкий*. Ср.:

нем. <i>der Kobold</i> '(im Volksglauben existierender) sich in Haus und Hof aufhaltender, zwerghafter Geist, der zu lustigen Streichen aufgelegt, zuweilen auch böse und tückisch ist'	русск. <i>кобольд</i> 'нечистый дух, напоминающий русского домового <u>в германской мифологии</u> '
--	--

Анализ нем. *der Kobold* и русск. *кобольд* показывает, что в переводе на русский язык употребляется маркер *в германской мифологии*, что однозначно свидетельствует об отнесенности данной реалии к немецкому народу и его культуре.

Сема «временная отнесенность» отражает время существования референта в определенном национально-культурном мире. Данная сема может выражаться в дефиниции заимствования лексемами *средневековый*, *старинный* и др., а также датами, указывающими на время существования реалии. Например:

нем. <i>der Markgraf</i> 'königlicher Amtsträger in den Grenzlanden; Befehlshaber einer Mark'	русск. <i>маркграф</i> 'наследственный титул владельца феодального княжества <u>в средневековой Германии</u> '
--	---

Лексическая единица *маркграф* эксплицируется во временном отношении с помощью словосочетания *в средневековой Германии*. С одной стороны, можно утверждать, что данное словосочетание характеризует локальность лексической единицы, однако, неоспоримым фактом является то, что данное словосочетание отображает время существования лингвокультурной реалии, а именно эпоху средневековой Германии (IX–XIX вв.).

Таким образом, для полного раскрытия национально-культурного компонента немецкой реалии в русском языке используются сегодня временной отрезок существования реалии, локальный и национальный маркеры. Кроме того, лексические единицы, содержащие национально-культурный компонент, отражают страноведческую специфику и обладают культурологической ценностью. Поскольку при отборе лексического материала в школе следует учесть, прежде всего, культурологический и страноведческий характер материала, то наше исследование направлено на определение содержательной ценности материала, что поможет, на наш взгляд, отбирать те факты национальной культуры, те реалии, знание которых способствует повышению уровня общекультурной и

страноведческой образованности учащихся, содействует формированию основ национально-культурной компетенции, под которой понимается «целостная система представлений об основных национальных традициях, обычаях и реалиях страны изучаемого языка, позволяющих ассоциировать с лексической единицы данного языка ту же информацию, что и его жители, и добиваться полноценной коммуникации» [4, с. 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 237 с.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : МГУ, 1978. – 178 с.
4. Скалкин, В. Л. Коммуникативные нормативы отбора языкового материала для обучения устной иноязычной речи / В.Л. Скалкин // Коммуникативный метод обучения иноязычной речевой деятельности. – Воронеж : ВГУ, 1983. – С. 25.

В.В. КИВАКА

Брэст, БрДУ імя А.С. Пушкіна

СПЕЦЫФІКА ПЕРАКЛАДУ СУБСТАНТЫВАВАННЫХ ПРЫМЕТНІКАЎ У НАВЕЛЕ Ш. ЦВЭЙГА “АМОК” НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Пераклад навелы з адной мовы на іншую – гэта асаблівае перакладчыцкае майстэрства. Пераклад мастацкага тэксту ўвогуле разглядаецца як “разнавіднасць інтэлектуальнай дзейнасці, у ходзе якой ўстанаўліваюцца сэнсавая і стылістычная адпаведнасці паміж адзінкамі мовы крыніцы і перакладу, якія дазваляюць стварыць іншамоўны аналаг зыходнага мастацкага тэксту ў выглядзе другаснай знакавай сістэмы, што адпавядае літаратурна-камунікатыўным патрабаванням і моўнаму узусу грамадства” [1, с. 1].

Асноўнай задачай навелы з’яўляецца адлюстраванне выключных, інтрыгуючых падзей. Вялікую ролю ў навеле адыгрывае дэталі, якая нясе сэнсавую, сюжэтную нагрузку, дзе дзеянне ідзе праз апісанне і трымае на сабе суперажыванне чытача аўтару. Адной з такіх немалаважных дэталаў з’яўляецца ўжыванне ў тэксце субстантывавальных прыметнікаў. Гэта такія прыметнікі, якія перайшлі ў разрад назоўнікаў, але захавалі ўсе свае граматычныя прыметы. З’яўляючыся адначасова назоўнікамі, з аднаго боку, яны маюць значэнне прадметнасці, і прыметнікамі, з другога боку,

падкрэсліваюць у першую чаргу прымету (якасць або ўласцівасць) гэтага прадмета.

Як у нямецкай, так і ў беларускай мове прыметнікі даволі лёгка субстантываюцца. У граматыцы беларускай мовы субстантываваныя прыметнікі адносяцца да ад’ектыўнага скланення назоўнікаў. “Прыналежнасць гэтых назоўнікаў да адушаўлёных або неадушаўлёных выражаецца марфалагічна: у множным ліку і ў назоўніках мужчынскага роду адзіночнага ліку адушаўлёных назоўнікаў форма вінавальнага склону супадае з формай роднага склону, а ў неадушаўлёных назоўніках – з формай назоўнага склону” [2, с. 102].

У нямецкай мове, як адзначае В. Юнг, да субстантываваных адносяцца “прыметнікі ў якасці дзейніка, дапаўнення або назоўніка з іменнай часткі састаўнога выказніка” [3, с. 303]. Такія прыметнікі пішуцца (па аналогіі з нямецкімі назоўнікамі) з вялікай літары, скланяюцца аднак як прыметнікі і ўжываюцца звычайна з артыклем. Калі такі прыметнік абазначае асобу, то ён вымушае артыкля мужчынскага або жаночага роду. Субстантываваныя прыметнікі з абстрактным значэннем звычайна ніякага роду.

Далёка не ўсе нямецкія субстантываваныя прыметнікі маюць адпаведнікі ў беларускай мове, і наадварот. Гэта абумоўлена разыходжаннем моўных норм няроднасных (нямецкай і беларускай) моў, што прымушае перакладчыка карыстацца пэўнымі трансфармацыямі.

Аб’ектам нашага даследавання выступаюць субстантываваныя прыметнікі, ужытыя аўстрыйскім пісьменнікам Ш. Цвэйгам у навеле “Амок”, і іх беларускі пераклад, выкананы У. Чапегам. Адзначым, што ў творы сустракаюцца субстантываваныя прыметнікі ніякага роду ў абстрактным значэнні. У перакладзе на беларускую мову большасць такіх прыметнікаў падвяргаецца трансфармацыі – замене на назоўнік. Напрыклад:

<p>...gleichsam im Leeren schienen die Lichter auf den Masten...zu hängen... [4, с. 77]</p>	<p>...нібы ў пустаце віселі агні на мачтах... [5, с. 149].</p>
--	--

Субстантываваны прыметнік *das Leere*, утвораны ад якаснага прыметніка *leer* ‘пусты, парожні’, не мае ў слоўніках адпаведніка і выступае ў тэксце арыгінала ў значэнні ‘пустое’ (у *пустым*). Выкарыстаны перакладчыкам назоўнік *пустаца* з’яўляецца эквівалентам нямецкаму назоўніку жаночага роду *die Leere*. Такі пераклад не зусім дакладны, у ім не перадаюцца асаблівасці аўтарскай мовы, так, як і ў наступным прыкладзе:

<p>...und sah hinab, wie der Bug in das Schwarze stieß... [4, с. 78]</p>	<p>...і стаў глядзець, як фарштэвень рассякае змрок ... [5, с. 150].</p>
---	--

Перакладчык зноў замяняе субстантываваны прыметнік *das Schwarze* ‘(гэтае) чорнае’, які не мае поўнага эквівалента ў беларускай мове, утвораны ад якаснага прыметніка *schwarz* ‘чорны; брудны; цёмны; пахмурны, сумны;

нелегальны’ назоўнікам *змрок*, які ў слоўніку мае адпаведнік *das Dunkel* або *die Dunkelheit*. У такім перакладзе на беларускую мову дадатковыя адценні сэнсу нямецкага субстантываванага прыметніка застаюцца па-за межамі тэксту.

Экспрэсіўным здабыткам Ш. Цвэйга з’яўляецца і субстантываваны прыметнік *Weiche*, які паходзіць ад якаснага прыметніка *weich* ‘мяккі; лагодны, ціхі, рахманы’, ужываецца ў тэксце навелы з указальным займеннікам ніякага роду *dieses* і даслоўна перакладаецца на беларускую мову як ‘гэтае мяккае’, напрыклад:

<p><i>Nun, nun zum ersten Male, seit ich die Planken betreten, überkam mich die heilige Lust des Träumens, und jene andere sinnlichere, meinen Körper weibisch hinzugeben an dieses Weiche, das mich umdrängte</i> [4, с. 77]</p>	<p>Толькі цяпер, упершыню пасля таго, як я ступіў на сходні, я адчуў свяшчэнную радасць мараў і другую, больш пачуццёвую: аддацца, нібы жанчына, асалодзе, якая абкружала мяне. [5, с. 150].</p>
---	--

Замена субстантываванага нямецкага прыметніка (*dieses*) *Weiche* семантычна нятоесным яму назоўнікам *асалода* ‘вышэйшая ступень задавальнення, адчування прыемнага’ у перакладзе У. Чапегі падкрэслівае мастацкасць стылю тэкста, але скажае “якасць” сэнсу аўтарскай задумы і мовы арыгінала. У перакладным тэксце ёсць і ўдалыя прыклады:

<p><i>...nur die Maschine, das atmende Herz des Leviathans, stieß keuchend den knisternden Leib des Schiffes fort ins Unsichtbare</i> [4, с. 76]</p>	<p>...толькі машына, нястомнае сэрца левіяфана, пыхкала і итурхала скрыпучае цела карабля наперад, у неаглядную далячынь. [5, с. 149].</p>
--	--

Поўным эквівалентам нямецкаму прыметніку *unsichtbar* з’яўляецца беларускі прыметнік *нябачны*. Адпаведніка нямецкаму субстантываванаму прыметніку *das Unsichtbare* ‘(нешта) нябачнае’, ужытаму ў навеле Ш. Цвэйгам, у слоўніках не зафіксавана. Перакладчык выкарыстоўвае марфалагічную замену – канструкцыю прыметнік + назоўнік: *неаглядная далячынь*, захоўваючы і семантычнае значэнне, і стылістычную афарбоўку арыгінальнага тэксту.

Такім чынам, сярод субстантываваных прыметнікаў у навеле “Амок” Ш. Цвэйга вылучаюцца тыя, што ўжываюцца ў ніякім родзе і маюць абстрактнае значэнне. З-за разыходжання моўных норм арыгінальнага і перакладнага тэкстаў, а таксама для перадачы эмацыянальнага ўздзеяння на чытача і захавання стылістычнай афарбоўкі тэксту арыгінала У. Чапега прымяняе трансфармацыйны пераклад, менавіта, нямецкія субстантываваныя прыметнікі падвяргаюцца замене на назоўнік або на канструкцыю з назоўнікам.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Солонович, Л. В. Семантико-стилистические трансформации в художественном тексте : сопоставительно-типологический аспект (на материале немецких и русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. В. Солонович ; Белорусский гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2016. – 24 с.
2. Беларуская граматыка : у 2 ч. Ч. 1 / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад рэд. М. В. Бірылы, П. П. Шубы. – Мн. : Навука і тэхніка, 1985. – 431 с.
3. Юнг, В. Грамматика немецкого языка / В. Юнг. – Спб. : Лань, 1996. – 544 с.
4. Zweig, St. Der Amokläufer und andere Erzählungen / St. Zweig. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag GmbH, 1984. – 208 S.
5. Цвэйг, Шт. Пякучая таямніца. Навелы / Шт. Цвэйг. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1994. – 496 с.

И.П. КОРОЛЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ИМПЛИЦИТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ЯЗЫКЕ

Отрицание – это выражение при помощи лексических, синтаксических, фразеологических и других средств языка того, что связь, установленная между элементами высказывания, реально не существует [1, с. 302].

Как языковая универсалия отрицание проявляется на разных уровнях, как лексическом, грамматическом, фонетическом. Для выражения отрицания в языке имеется целый ряд средств. Преобладающим средством являются отрицательные слова *nicht, kein, keinesfalls, nimmer, niemals, nein, nie, keineswegs* и др., одним из распространенных средств выражения отрицания являются морфемы со значением отрицания *un-, miss-, a-, ir-, il-* и др. Широко представлены в языке и фразеологические единицы с эксплицитным отрицательным компонентом, например *nicht alle Tassen im Schrank haben; das ist nicht unser Bier* и др.

Особое внимание лингвисты обращают на то, что отрицательными по смыслу могут быть конструкции, не имеющие ни одного грамматического или лексического элемента с закрепленной за ним функцией отрицания. В данном случае речь идет о скрытом отрицании. В последнее время употребляется, как правило, термин «имплицитное отрицание»: *das ist meine Sache allein!*

Имплицитировать отрицание могут идиоматические предложения и выражения с отрицательным значением:

- а) неизменяемые единицы: *Ach wo! Wie werd ich denn!*

б) единицы, структура которых допускает другое лексическое наполнение: *Er ein ehrlicher Mensch? Der und Wort halten?*

Довольно широко распространены в языке и фразеологические единицы, имплицитные отрицание: *das passt wie die Faust aufs Auge; das ist klar wie dicke Tinte*

Следует упомянуть также и лексемы, в которых отрицание является компонентом значения: *Lüge, Junggeselle, fehlen, vergessen, lügen, leer, taub, windstill, sonst* и др.

К грамматическим единицам, имплицитным отрицание, можно отнести, в частности, некоторые случаи употребления конъюнктива II: *er wäre gestern gekommen, wenn er Zeit hätte*. Имплицитное отрицание также могут сравнительные конструкции и конструкции sein+zu+Infinitiv: *Heute ist es wärmer als gestern. Ich bin zu müde, irgendwohin zu gehen*.

Следует подчеркнуть, что имплицитное отрицание сложнее, его восприятие предполагает большее количество мыслительных операций, нежели восприятие отрицания эксплицитного, которое является более простым.

Помимо лексико-семантических и морфолого-синтаксических средств можно выделить *контекстуальные* средства выражения отрицания. Понятие отрицания может выражаться не только в языковом, но и в речевом плане. Для этого используют речевые акты, так называемое косвенное выражение отрицания в диалогической речи: *Hat er den Text übersetzt? – Er braucht noch 2 Stunden*. Важную роль играют интонация и логическое ударение: *Ja, gut ist das Wetter!* (при этом идет дождь). Следует упомянуть еще и кинетические средства выражения отрицания – мимику, жесты, знаки.

Исходя из многообразия средств выражения отрицания и их регулярного использования, ряд лингвистов рассматривает категорию отрицания в виде функционально-семантического поля. Н.В. Борзенко выделяет в поле отрицания 4 зоны [2, с.10]: *ядерную, центральную, промежуточную и периферийную*. Совокупность имплицитных средств выражения отрицания образует периферийную зону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Борзенко, Н.В. Отрицание в системе языка и текстовой деятельности / Н.В. Борзенко // Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 1998. – 23 с.

И.Ф. НЕСТЕРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ

Прообразом эвристического обучения является метод Сократа. Полагая, что письменные тексты «мертвы», он отдавал предпочтение устному рассуждению в ходе диалогов. Путём особых вопросов и рассуждений Сократ учил своих учеников самостоятельно идти к новому знанию. Эвристика в переводе с греческого – это искусство изобретения принципиально нового. Таким образом, эвристическое обучение – это обучение через открытие. Эвристический метод противопоставляется в дидактике систематическому изложению материала. В этом случае обучающемуся предлагается выстраивать индивидуальную образовательную траекторию в каждом из изучаемых предметов, создавая не только знания, но и личностные цели, способы освоения изучаемых тем, формы представления и оценки образовательных результатов. В зависимости от возраста, интересов и индивидуальных качеств личности обучаемого формы и методы эвристического обучения могут варьироваться. Главное, чтобы они позволяли обучающимся включиться в активную познавательную деятельность, в результате которой будет создан новый образовательный продукт.

Главным элементом эвристического обучения является эвристическое задание, которое открыто для любого обучающегося, т. е. не имеет однозначного ответа, в отличие от проблемного задания, когда результат возможно спроектировать. Можно сказать, что эвристическое обучение является частью проблемного обучения, которое ставит целью передачу опыта учителя ученику нестандартным способом, т.е. путем постановки проблемной задачи. При этом проблемное обучение часто выступает подготовительным этапом для эвристического. Цель эвристического обучения, в свою очередь, подразумевает не передачу обучающимся готовых знаний и опыта прошлого, а формирование ими собственного знания, создание продукта собственной деятельности. При этом учитель, как правило, может только предположить результат познавательной деятельности учащихся. Положительной стороной эвристического обучения является элемент творчества и критического осмысления обучающимися нового образовательного продукта, основанного на диалоге и полилоге. Открытость среды способствует реализации принципа студенто-ориентированного обучения, созданию на занятиях положительного микроклимата и совершенствования иноязычной компетенции с учетом развития всех субкомпетенций в контексте продуктивного языкового образования.

Конечной целью эвристического обучения является не только получение

общих знаний по предмету, важен сам процесс создания нового образовательного продукта, осмысления уже существующих фундаментальных образовательных объектов, которые будут являться образцом для создания собственного образовательного продукта. Все это позволяет обучающимся учиться мыслить критически, сравнивать культурно-исторические аналоги.

Различные аспекты эвристического обучения нашли свое отражение в трудах Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, Дж. Дьюи, П.Ф. Каптерева, В.И. Андреева, А.В. Хуторского, А.Д. Короля и др. Извлечение скрытого в человеке опыта может быть не только методом, но и методологией современного образования. Разумеется, эвристическое обучение не может полностью заменить традиционное, но использовать его как дополнение к традиционным методам для развития оргдеятельностных и когнитивных способностей обучающихся целесообразно.

С.А. ПИЛИПЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Язык представляет собой универсальное средство человеческого общения и развивается непрерывно. Особой сложностью отличается развитие словарного фонда. Естественно, эволюция отдельных слов и лексического состава в целом имеет принципиальные отличия. Но слово и словарный состав диалектически взаимодействуют, и развитие слов в известной степени является показателем эволюции лексического фонда.

Новые слова актуализируются и движутся из периферии к центру, и, наоборот, слова, утратившие свою актуальность, движутся от центра к периферии. Таковы постоянные, никогда не прекращающиеся процессы в лексике.

Центральную часть лексики составляют слова актуальные для современных носителей языка, так называемые общеупотребительные слова, понятные всем говорящим на языке. Они необходимы для повседневного общения и не зависят от социальной принадлежности, профессии человека. На фоне активной лексики выделяется пассивная лексика, в состав которой входят слова, редко употребляющиеся в повседневном общении. Они могут быть устаревшими или устаревающими (историзмы, архаизмы) или, наоборот, сравнительно недавно появившимися и еще окончательно не вошедшими в общее употребление (неологизмы).

Согласно данным словаря *Neologismenwörterbuch – OWID* за последние 13 лет, начиная с 2006 г., в словарный состав общеупотребительной лексики немецкого языка вошло более 200 новых лексических единиц. Неологизмы указанного временного отрезка демонстрируют признаки формального варьирования.

Новую вариантную лексику можно разделить на 3 группы: во-первых, единицы, пришедшие в немецкий язык из американского варианта английского языка, например: *Upcycling / Up-cycling / upcycling; Streetfood / Street-Food / Street Food / Street food / streetfood / street food; Smartwatch / Smart Watch / SmartWatch / Smart-Watch; Shapewear / Shape-Wear / Shape Wear; Shitstorm / Shit-Storm / Shit Storm / Shit-storm*; во-вторых, неологизмы, появившиеся на базе немецкого языка, например: *Hygieneampel / Hygiene-Ampel; Jahnbehörde / Jahn-Behörde; Kampfradler / Kampf-Radler; Netzpartei / Netz-Partei; Bufdi / BuFDi / Bufdie; Antänzer / Antanzer*; в-третьих, часть новой лексики, имеющая смешанный характер – один элемент в слове «немецкий», другой – «английский», например: *Bestellbutton / Bestell-Button; Blitzmarathon / Blitz-Marathon; Craftbier / Craft-Bier / Craft Bier; Freistoßspray / Freistoß-Spray; Guerillastricken / Guerilla-Stricken / Guerilla Stricken; Helikoptereltern / Helikopter-Eltern*.

Анализ материала позволяет также утверждать, что наиболее активным видом формального варьирования в сфере новой лексики является письменное варьирование (графическое, орфографическое, графико-орфографическое).

Для графического вида варьирования нового слова характерной чертой является: слитное написание / через дефис / раздельное написание; первая буква в слове прописная / все буквы в слове прописные / одна из частей сложного слова пишется с прописной буквы / все слово оформляется строчными буквами, например: *Veggeday / Veggie Day / Veggie-Day / Veggiday / Veggi-Day / VeggiDay / veggiday*.

Если обратиться к различительным внешним признакам «первая буква в слове прописная / все буквы в слове прописные / одна из частей сложного слова с прописной / все слово строчными буквами», то а) неологизмы являющиеся сложными именами существительными, демонстрируют оформление первой буквы каждой части сложного слова как прописной (*GroKo, Spotted-Seite*), б) все буквы в слове прописные (*BRICS*), в) у сложных имен существительных – одна часть слова пишется прописными буквами, а у другой части слова – лишь первая буква прописная (*QR-Code, Smart-TV*), г) неологизмы демонстрируют типично немецкий вариант графического оформления имен существительных, а именно первая буква в слове прописная, остальные строчные (*Biodeutscher*).

Таким образом, материал позволяет сделать вывод о существовании в корпусе новой лексики, испытывающего формальное варьирование, во-первых, слитного написания слов; во-вторых, графического отображения

начала слова с прописной буквы. Тем самым собранный материал опровергает тезис ряда ученых о стремлении немецкого языка «подражать» орфографическим и графическим особенностям языка-источника неологизмов. Напротив, систематизированные фактические данные свидетельствуют о стремлении сохранить в изучаемом языке типично немецкое оформление слова в письменности.

Среди неологизмов отмечены также орфографический вид варьирования: *Fotobombe / Photobombe; Kryptohandy / Cryptohandy*; и случаи графико-орфографического варьирования. В вариантном ряду *Gettofaust / Getto-Faust / Ghettofaust / Ghetto-Faust / Ghetto Faust*, единицы противопоставлены как графически («первая буква в слове прописная / все буквы в слове прописные / одна из частей сложного слова пишется с прописной буквы / все слово передается строчными буквами», «слитно – через дефис – отдельно»), так и орфографически (наблюдается переход от графической подачи согласной фонемы [g] через букву *G* к сочетанию букв *Gh*. У единиц следующих вариантных рядов наблюдается переход в графической подаче монофтонга [i:] от буквосочетания *ie* к букве *i*: *Bufdi / BuFDi / Bufdie*; а также переход от удвоенного варианта графической подачи согласной фонемы [g] через *GG* к неудвоенному варианту *G*: *Veggeday / Veggie Day / Veggie-Day / Veggiday / Veggi-Day / VeggiDay / veggiday*.

Таким образом, большая часть нестабильных в материальном отношении неологизмов – сложные имена существительные, состоящие как из «немецкого» элемента в слове, так и «английского», или же имеющие лишь «английское» происхождение. Также неологизмы демонстрируют переход от устоявшейся практики письменной подачи субстантивной лексики в немецком языке (оформление слова с прописной буквы) в сторону принятия особенностей графического отображения слова в языке-источнике (имя существительное отображается на письме со строчной буквы). Основным видом модификации слова в сфере новой лексики становится графическое варьирование, так как оно в большинстве случаев проходит на границе составных частей слова. Характер и количество письменных вариантов в области новой лексики является подтверждением также точки зрения ряда исследователей о нецелесообразности следования процессу онемечивания неологизмов.

А.П. САЦУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Речемыслительная деятельность – единый процесс порождения мысли и речи – составляет материальную базу общения. Овладение учащимися

основами общения, непосредственного и опосредованного (чтение и письмо), является сегодня главной практической целью обучения иностранным языкам в школе. Это обуславливает потребность в глубоком изучении речемышления и поиска возможностей его активизации.

Сущность понятия активизации, дидактические условия и средства её обеспечения в учебном процессе изложены в работах И.Я. Лернера, А.М. Матюшкина, М.И. Махмутова, М.Н. Скаткина, Г.И. Шамова, Т.И. Шукина и других.

Активность (от французского *aktivite* ‘сила действия’) – действенность, деятельное поведение.

Философы рассматривают активность человека, исходя из понимания их смысла жизни, ценностей, взглядов, идей, убеждения.

Современные педагогические технологии предполагают изменения учебной ситуации таким образом, чтобы учитель из «непререкаемого авторитета» стал внимательным и заинтересованным собеседником и соучастником процесса познания. Коммуникативный подход к обучению иностранному языку способствует тому, чтобы учитель был не только носителем информации, но и наблюдателем и консультантом.

В языковой области целью обучения иностранному языку при коммуникативном подходе предполагается обучение общению на иностранном языке в устной и письменной формах в рамках речевой ситуации.

Как известно, способом устно-речевого общения является говорение. Цель обучения говорению в школе есть развитие у учащихся способности в соответствии с их реальными потребностями и интересами осуществлять устное речевое общение в разнообразных ситуациях.

Задача учителя состоит в создании условий, которые способствовали бы общению учащихся. Для этого учитель должен учитывать специфические признаки данного вида речевой деятельности, такие как: мотивированность, целенаправленность, активность, связь с личностью и мыслительной деятельностью человека, эвристичность, самостоятельность, темп и ситуативность. Если есть цели и мотивы общения, учтены характерные особенности участников общения, их возраст, уровень развития и т.д., то акт общения в рамках какой-либо речевой ситуации, безусловно, состоится.

Для создания данных условий в процессе обучения немецкому языку можно использовать следующие приемы активизации, которые учитывают выше перечисленные признаки устного речевого вида деятельности. Преимущества этих приемов в том, что учащиеся, активно участвуя в процессе обучения, начинают обдумывать, вспоминать, использовать изученный языковой материал.

Лучшими приемами активизации устной речи учащихся, являются приемы взаимодействия человека с человеком, т.е. интерактивные приемы. Слово *интерактив* произошло от английского слова *interact*, что значит

inter- ‘взаимный’, *act-* ‘действовать’. Данные приемы предполагают взаимодействие субъектов образовательного процесса на уровне «равный – равному», где учитель и участник занятия – часть одной команды, они работают для достижения одной цели. Интерактивные приемы способствуют организации комфортных условий обучения, при которых все ученики активно взаимодействуют между собой. Их использование предполагает моделирование жизненных ситуаций, ролевых игр, общее решение вопросов на основании анализа обстоятельств и ситуации.

Для активизации учащихся на уроках развития речевых умений целесообразно использовать следующие приемы:

1. игровые приемы;
2. приемы активизации речи в ролевой игре;
3. творческие конкурсы;
4. проблемные творческие задания;
5. коммуникативные задания;
6. использование аутентичной песни;
7. мультимедийные презентации.

Задания такого типа направлены на развитие мыслительной деятельности учащихся, дают им возможность показать свои знания не только в области немецкого языка, но и в других сферах деятельности, вырабатывают быстроту реакции, внимание, сосредоточенность. Такие задания можно давать как в начале урока, так и в середине урока.

Каждый учитель иностранного языка стремится не только научить говорить ученика на языке, но и работает над обогащением речи учащихся. Оценочно – эмоциональные выражения украшают речь и помогают высказать мысль в интересной форме. Для того чтобы ученики овладели данными выражениями и использовали их в своей речи, можно использовать следующие приемы:

- а) ученики читают выражения «Согласия и несогласия»:

<i>Du hast Recht!</i>	<i>Ich bin mit dir einverstanden.</i>
<i>Eine gute Idee!</i>	<i>Gut, aber...</i>
<i>Nein, das stimmt nicht.</i>	<i>Ganz richtig!</i>
<i>Warum nicht?</i>	<i>Ich zweifle daran.</i>
	<i>Selbstverständlich!</i>

б) классифицируют их на группы *völlige Bestätigung* (++) , *beschränkte Bestätigung* (+) и *Verneinung* (-):

++

+

-

- <i>Du hast Recht!</i>	- <i>Gut, aber...</i>	- <i>Nein, das stimmt</i>
- <i>Ich bin mit dir</i>	- <i>Warum nicht?</i>	<i>nicht.</i>
<i>einverstanden.</i>		- <i>Ich zweifle daran.</i>
- <i>Eine gute Idee!</i>		
- <i>Ganz richtig!</i>		
- <i>Selbstverständlich!</i>		

в) добавляют свои собственные выражения. На данном этапе используется прием «мозгового штурма», в процессе которого любой ученик предлагает свои идеи, любая идея принимается и обсуждается;

г) затем выражения отрабатываются в диалоге в рамках какой-либо речевой ситуации, где используются лично ориентированные вопросы.

Игровые приемы призваны обеспечить умение учащихся практически применять знания на практике, активизировать их мыслительную деятельность, направленную на употребление грамматических конструкций в естественных условиях общения.

Ролевая игра строится на межличностных отношениях, мотивирует речевую деятельность. Для школьников совместная деятельность и общение приобретают личностную значимость, они стремятся к освоению новых форм и способов общения, познанию других людей в общении.

Ролевая игра позволяет моделировать ситуации реального общения и отличается, прежде всего, свободой и спонтанностью речевого и неречевого поведения персонажей. Ролевая игра предполагает наличие определенного количества персонажей, а также игровой проблемной ситуации, в которой участники игры действуют. Каждый участник в ходе игры организует свое поведение в зависимости от поведения партнеров и своей коммуникативной цели. Итогом игры должно стать разрешение конфликта.

Дискуссия представляет собой одну из форм спора как словесного состязания. Это обмен мнениями в отношении какого-либо предмета с целью достижения единства взглядов на этот предмет. Обязательным условием дискуссии является наличие какого-либо спорного вопроса. Окончательное решение этого вопроса и вырабатывается в ходе дискуссии. Для успешного ее ведения участники должны обладать знаниями о предмете обсуждения, иметь собственное мнение по данному вопросу, владеть приемами воздействия на партнеров и управление беседой,

Творческая деятельность дает учащимся широкие возможности для проявления собственной индивидуальности. Творческий уровень связан с такими умениями как, например, подготовить сообщение на определенную тему, выразить свое отношение к содержанию текста, интерпретировать главную идею текста.

1. Творческий конкурс «Предложи свой перевод стихотворения».
2. Составление «рекламок» о школе.
3. Составить рассказ по набору картинок.
4. Информационные проекты учащихся.

Наиболее значимое достоинство презентаций – информационная ценность: сведения о политической и культурной жизни, о достопримечательностях.

В них используются различные методические приёмы, позволяющие проводить ознакомление, тренировку и контроль знаний и умений учащихся. Использование мультимедийных программ вовсе не исключает традиционные методы обучения, а гармонично сочетается с ними на всех этапах обучения.

Из выше изложенного следует, что реализация этих и других методов и приемов полностью будет зависеть от умения учителя вовлечь учащихся в процесс активного усвоения немецкого языка. Это дело достаточно трудное и во многом определяется стремлением учащихся к приобретению и совершенствованию своих языковых навыков и речевых умений.

Е.И. ТАРАШКЕВИЧ

Минск, ВА РБ

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

В военном переводе важную роль отводят точности перевода, так как переведенный материал может служить основой для проведения военных действий, принятия важных решений. Правильный перевод военных материалов зависит в значительной мере от правильного перевода терминов, так как большую часть военной лексики занимают военные и военно-технические термины, несущие максимальную смысловую нагрузку. Для достижения адекватности и эквивалентности в переводе военных текстов необходимо знать военные термины, способы их образования, а также приёмы перевода.

Армия, на сегодняшний день, является одним из важнейших социальных институтов во многих государствах мира. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения военного дискурса с последующим выявлением его структурообразующих черт. Военный перевод представляет собой отдельную область переводческой деятельности в силу высоких требований к качеству перевода. Адекватный и полноценный перевод обуславливает правильную, точную и полную передачу особенностей и содержания оригинала и его языковой формы с учетом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики. В военном переводе важную роль отводят точности перевода, так как переведенный материал может служить основой для проведения военных действий, принятия важных решений. Правильный перевод военных материалов зависит в значительной мере от правильного перевода

терминов, так как большую часть военной лексики занимают военные и военно-технические термины, несущие максимальную смысловую нагрузку.

Характерной особенностью любых военных материалов является насыщенность специальной терминологией. К военным материалам обычно относят военно-художественные, военно-публицистические и военно-политические материалы, военно-научные и военно-технические материалы, акты военного управления (различные военные документы). К собственно-военным материалам принято относить научно-технические материалы и акты управления, связанные с жизнью и деятельностью войск и военных учреждений вооруженных сил. Военно-художественная литература, военная публицистика и военно-политические материалы являются военными лишь по своей целенаправленности и тематике и в основном обладают теми чертами, которые вообще присущи всем общественно-политическим, публицистическим и художественным текстам.

Военная терминология – это система лексических средств, обозначающих понятия военной науки, употребляющиеся в сфере специального общения. Проблема термина является едва ли не самой важной для военного перевода. Военный текст в разных своих разновидностях (военно-технический, военно-научный, военно-информационный, военно-деловой и даже военно-публицистический) насыщен терминами. Являясь периферийным слоем лексики, военная терминология в то же время имеет многообразные связи с общей лексикой языка. Поскольку военное дело, военная наука подразделяются на отдельные области, соответственно, происходит выделение терминологии тактической, военно-организационной, военно-технической, терминологии по родам войск и видам вооруженных сил. В общем смысле к военной терминологии относятся все слова и сочетания, обозначающие военные понятия, т.е. понятия, непосредственно связанные с вооруженными силами, военным делом, войной и т.д. Кроме того, к военной лексике следует отнести научно-технические термины, употребляемые в связи с военными понятиями.

Очертить предел понятия военный термин весьма трудно, поскольку область использования военной терминологии довольно многогранна и многие общеупотребительные термины приобретают в ней специфичное, более узкое значение. Отличительной чертой военных текстов, несомненно, является их большая насыщенность терминами различной структуры. На эту особенность указывают многие исследователи, объясняя её определенной функциональной нагрузкой, характеризующей военную сферу общения, а именно необходимостью точного обозначения специальных понятий.

Изучением проблемы перевода военного термина и военной терминологией занимались такие учёные-лингвисты как Л.Л. Нелюбин, Г.М. Стрелковский, В.Н. Шевчук и др. Так, В.Н. Шевчук определяет военную терминологию как «...упорядоченную совокупность военных терминов языка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического использования объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» [1, с. 25]. Вот как рассматривает понятие «термин» Л.Л. Нелюбин: «...термин – слово или словосочетание специального (научного, технического, военного и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [2, с. 235].

Язык обучаемого в военном вузе сегодня насыщен научными, техническим и специальными военными терминами, с которыми он знакомится в процессе обучения на спецдисциплинах и довольно четко представляет себе их значение. Такого рода знание необходимо использовать в процессе обучения иностранным языкам, тем более, что многие из этих специальных слов являются интернациональными. Эти слова могут выступать в качестве опоры в процессе погружения в техноязыковую среду, с одной стороны, а с другой – способствовать процессам интеграции специальных дисциплин и преподавания языкам будущим специалистам.

Для выполнения правильного перевода военных иноязычных материалов необходимо:

- владение специальностью и знание особенностей профессиональной субкультуры;
- знание различных видов профессионально ориентированных текстов и всесторонний учет их семантико-структурного устройства;
- знание особенностей письменного перевода, владение основными способами и приемами.

При самостоятельном изучении словарных единиц курсанты должны придерживаться следующей последовательности:

- проверить по словарю произношение слова, компоненты словосочетания;
- найти лексическое значение слова;
- установить, если это представляется возможным, в какие связи вступает данное слово с другими словами.

Система упражнений по военному переводу может включать следующие задания:

- найти синонимы (антонимы) подчеркнутых в предложениях терминов и словосочетаний;
- найти односложные эквиваленты выделенных словосочетаний;
- из данного синонимического ряда выбрать правильное по смыслу слово (термин) или словосочетание;
- дать русские эквиваленты соответствующим терминам и словосочетаниям на иностранном языке;
- дать эквиваленты соответствующим терминам и словосочетаниям на русском языке.

Поскольку перевод является не только результатом, но и одним из средств овладения иностранным языком, то развитие навыков и умений перевода текстов по специальности у будущих специалистов должно занимать значительное место в иноязычном образовательном процессе. Военный перевод представляет собой один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией. Лингвисты и переводчики (И.С. Алексеева, В.В. Борисов, А.Б. Бушев, Л.Л. Нелюбин и др.) отмечают, что отличительными чертами военного текста являются высокая плотность информации, предельно четкое изложение материала благодаря использованию большого количества терминов, наличие условных знаков и кодовых наименований.

При переводе иноязычных текстов, содержащих военные термины и определения, часто возникают сложности из-за языковых несоответствий, вызванных:

- отсутствием аналогии между понятием и реалией;
- несоответствием или неполным совпадением терминов;
- различиями в системах званий вооруженных сил разных стран; различиями в устройстве организационно-штатных структур;
- кратким «периодом жизни» отдельных терминов (например, существенно отличаются словари терминов Первой и Второй мировых войн, хотя между ними прошло менее 30 лет);
- значительным числом аббревиатур и сокращений, сложно поддающихся расшифровке; обилием сленговых выражений.

Образование военных терминов в иностранном языке происходит характерными способами словообразования: морфологическими, лексико-семантическими, путём заимствования, а также на основе словосочетаний. Практика перевода, в том числе и военного, немыслима без глубокого знания теории и осмысления всей сложности процесса перевода.

Рассмотрим основные морфологические способы образования терминов и частотность их употребления:

Аффиксация – образование новых однословных терминов путем прибавления к корневым словам аффиксов (префиксов и суффиксов).

Конверсия – тип словообразования, при котором некоторые существующие слова, не изменяя своей исходной формы, приобретают значение другой части речи.

Сокращение – распространенный способ морфологического словообразования в английской военной лексике, при котором происходит сокращение некоторой части звуковой оболочки или графической формы слова либо сложение частей двух основ; аббревиация.

Изменение значения термина. Этот лексико-семантический способ словообразования основан на переносе значения на основании сходства каких-либо признаков предметов, явлений, действий, качеств. Перенос названий иногда происходит одновременно с заимствованием слова из других областей военного дела или других сфер общественной деятельности, науки и техники.

Заимствования. Удельный вес современных иностранных заимствований в военной лексике относительно невелик. Большинство их заимствовано из немецкого и французского языка. Имеются заимствования и из других языков, в частности восточных, которые, как правило, употребляются в разговорной речи и просторечии.

Образование сложных терминов. По количеству компонентов эти термины подразделяются на двух-, трех-, четырех- и более компонентные.

В терминах-словосочетаниях грамматическое оформление может выражаться: суффиксами; предлогами; окончаниями

Таким образом, для достижения адекватности и эквивалентности в переводе военных текстов необходимо знать военные термины, способы их образования, а также приёмы перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шевчук, В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. док. филолог. наук: 10.02.19 / В. Н. Шевчук. – М., 1985. – 488 с.
2. Дормидонтов, А. А. Учебник военного перевода. Английский язык / А. А. Дормидонтов, Л. Л. Нелюбин, А. А. Васильченко. – М. : Военное издательство Министерства Обороны СССР, 1981. – 379 с.

Е.И. ТАРАШКЕВИЧ

Минск, ВА РБ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ НА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире национальная безопасность и независимость государств неотделимы от уровня их технологического развития. Роль и значение каждой страны в мировой экономике находятся в прямой зависимости от того, насколько она владеет высокими технологиями. Уровень развития наукоемких технологий в настоящее время является характеристикой экономического состояния и научно-производственного потенциала страны. Переход экономики промышленно развитых стран на путь технологического развития, доминирование научно- и интеллектуальноемких экономик определяет ключевую роль специалистов технического профиля в социально-экономической сфере общества. Бурное развитие науки и техники, быстрая смена одних технологий другими, рост инновационных процессов в сфере производства приводят к необходимости постоянного обновления знаний работников и непрерывного повышения качества их подготовки.

В новом веке, определённом как век знаний, в зарубежной и отечественной высшей школе происходит пересмотр целей и содержания образования. Речь идёт в первую очередь о формировании творческого потенциала личности студента, формировании потребности самореализации, самовыражения не только в период обучения в вузе, но и на протяжении всей жизни. Происходит переориентация учебного процесса с обучающего на развивающий, где результатом выступает модель специалиста, отвечающая следующим критериям: социальная мобильность, способность адаптироваться к информационному пространству, высокий уровень интеллекта, знаний, умений, владения иностранным языком, творческие способности, критическое мышление, самостоятельность, высокий профессионализм. Под профессионализацией понимается процесс становления работника профессионалом, то есть человеком, в совершенстве владеющим навыками, знаниями, умениями, необходимыми для определенного вида деятельности. Профессионализм отражается в авторитете человека, качестве и эффективности его труда, умении передать свой опыт другим людям, умении справляться с нестандартными рабочими ситуациями. Процесс становления работника как профессионала зависит от личностных способностей работника, условий труда, мотивации труда и интересов самого работника. Профессионализация зависит от опыта деятельности в данной отрасли, от образования человека и качественной отдачи работника. Становление человека как профессионала подразумевает

его непрерывное обучение и самосовершенствование как профессионала и личности, поскольку становление профессионала связано с соблюдением определенных нравственных позиций, знанием производственной и профессиональной этики. В условиях современной социокультурной ситуации в нашей стране, характеризующейся исключительно динамичными переменами, особое значение приобретают проблемы, связанные с подготовкой специалистов, адекватных по своему профессиональному уровню значимости и сложности решаемых обществом задач. В этой связи следует по-иному взглянуть на процесс профессионализации человека, в ходе которого происходит не только освоение профессиональных норм и стандартов, но и развитие личности профессионала.

В отечественной и зарубежной научной литературе, посвященной профессиональному развитию человека, подчеркивается, что данный процесс тесно связан с социализацией личности, предполагающей освоение человеком новых социальных ролей и формирование качеств и способностей, необходимых для выполнения общественных функций. Эта взаимосвязь заключается в том, что в ходе профессионализации человек осваивает важнейшую, с точки зрения интересов общества, социальную роль - профессию, имеющую определенный статус и престижность. Овладение профессией происходит преимущественно в рамках институтов, в которых приобретаются и совершенствуются основные социальные качества человека (школа, вуз, профессиональное сообщество и т.д.). Кроме этого, этапы социализации по времени и содержанию зачастую совпадают с этапами профессионализации.

Профессиональное развитие - неотъемлемая часть жизнедеятельности человека, реализующейся в системе условий и факторов, предопределяющих возможности для удовлетворения потребностей человека и формирования его качеств.

Процесс профессионализации является предметом постоянного исследовательского интереса ученых и практиков в связи с его высокой социальной значимостью в соответствии с индивидуально-психологическими особенностями человека. В исследовании проблемы профессионализации особое значение приобретают понятия: профессиональное (или профессионально-должностное) развитие, профессиональное становление и профессионализация, и каким образом они взаимосвязаны.

Под профессиональным развитием многие авторы подразумевают процесс прогрессивного изменения личности, детерминированный профессиональной деятельностью, социальной средой и собственной активностью человека. Объектами профессионального развития личности являются ее интегральные характеристики: социально-профессиональная

направленность, компетентность, профессионально важные качества и психофизиологические свойства.

Профессиональное развитие неотделимо от личностного – в основе того и другого лежит принцип саморазвития, детерминирующий способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, приводящий к высшей форме жизнедеятельности личности – творческой самореализации. Профессиональное развитие понимается как рост, становление, интеграция и реализация профессионально значимых личностных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, но главное – как активное качественное преобразование педагогом своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности – творческой самореализации в профессии.

Профессиональное становление – это часть онтогенеза человека с начала формирования профессиональных намерений до окончания активной профессиональной деятельности. И если профессиональное развитие включает прогрессивные и регрессивные изменения, то профессиональное становление – это обязательно прогрессивное развитие. Оно может включать периоды, моменты стагнации и деструктивных изменений, но в целом вектор профессионального становления неизменно направлен к вершинам профессионализма, создающим максимальные условия для самореализации личности. Становление обязательно предполагает осознанную потребность в развитии, в реализации личностью своего профессионально-психологического потенциала. Можно сказать, что становление – это процесс развития, в котором личность берет на себя ответственность за максимально полную реализацию своего потенциала.

Е.И. ТАРАШКЕВИЧ, В.А. КОРОТКИН

Минск, ВА РБ

ПРОФЕССИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: РОМАНТИКА И БУДНИ

Будущие специалисты, большинство из которых не станет синхронистами и переводчиками художественной литературы, остро нуждаются в практических рекомендациях и советах со стороны профессионального переводческого сообщества. Потребность в обобщении такого опыта имеется и со стороны вузовских преподавателей, которые не обязательно должны иметь практику во всех переводческих сферах, но обязаны формировать соответствующие профилю навыки и компетенции. В зависимости от того, какими видами перевода занимается тот или иной переводчик, варьируется набор профессиональных и личных качеств,

которыми в идеале он должен обладать, чтобы успешно трудиться в определенном сегменте переводческого рынка.

Выяснить причины популярности профессии переводчика несложно. Абитуриенты и студенты указывают на очевидные привлекательные стороны переводческой деятельности: общение с интересными людьми, возможность увидеть разные страны, шанс реализовать себя в профессии, где востребованы многочисленные компетенции самого разного свойства. Нельзя исключать мечты будущих специалистов об известности и славе, что вполне возможно, если речь идет о переводчиках художественного текста. Имена же тех, кто занимается письменным переводом текстов в различных областях профессиональной коммуникации, а также устным переводом в любой сфере, известны, за редким исключением, только в узких кругах.

Попытка разобраться в том, что пишут ведущие ученые о профессии переводчика, приводит к следующему, довольно общему выводу: большинство работ ведущих исследователей (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.К. Латышев, И.С. Алексеева, Н.К. Гарбовский) посвящено профессиональной языковой подготовке переводчиков, что отражено в названиях («Теория перевода», «Технология перевода», «Введение в теорию перевода», «Переводоведение» и т. д.).

Существует ограниченное количество публикаций, в которых рассмотрены тонкости и секреты «переводческой кухни» в отношении к устным переводчикам.

В зависимости от того, на каких видах перевода специализируется переводчик, определяется набор компетенций, которыми он должен обладать, чтобы эффективно работать в определенном сегменте переводческого рынка. Если устному несинхронному переводчику, помимо высоких навыков последовательного перевода, необходима четкая дикция, быстрота реакции, спокойствие, общительность, умение не растеряться на публике, психическая устойчивость, то письменному переводчику в профессиональной сфере важно иметь глубокие знания основной терминологии современной науки и техники на языке оригинала и перевода, владеть компьютерными программами и Интернетом для оперативного получения и отправки переводимых материалов, уметь работать со словарями и справочниками, а также обладать усидчивостью, внимательностью, собранностью.

Постановка вопроса в таком ракурсе дает возможность увидеть, какие качества и компетенции необходимы переводчику помимо лингвистических, владение которыми не вызывает сомнения: знание письменной формы языка на уровне, близком к уровню носителя языка, высокая филологическая культура, способность к вдумчивой и неспешной работе с текстом, полное понимание подтекста художественного произведения, умение передать его и все стилистические тонкости при переводе. К числу компетенций неязыкового вектора следует отнести

организованность, умение эффективно распределять свое время, чтобы уложиться в установленные издательством сроки без ущерба для качества перевода, психологическая готовность к тому, чтобы взяться за перевод на неродной язык.

Образовательные стандарты не предусматривают четкого разделения подготовки переводчиков для осуществления письменного или устного перевода: по окончании вуза выпускники сами выбирают направление деятельности. Вместе с тем при подготовке устных и письменных переводчиков должны быть сформированы совершенно разные компетенции.

Стоит заметить, что в английском и немецком языках имеются разные слова для обозначения типа переводчиков – *translator* (нем. *Übersetzer*) и *interpreter* (нем. *Dolmetscher*), что было и в древнерусском: *толмач* ‘тот, кто толкует (устный переводчик)’ и *писарь* ‘тот, кто пишет (письменный переводчик)’.

Чтобы проиллюстрировать важность рекомендаций из уст опытного синхрониста, каким до восьмидесяти лет оставался легендарный М.Я. Цвиллинг, приведем его советы, опубликованные в начале 60-х годов прошлого века в «Тетрадах переводчика» [1, с. 121–122]:

1. Точно переводить – хорошо, но главное – не молчи, когда говорит оратор. А то слушающий, чего доброго, решит, что он оглох.

2. Если оратор слишком спешит, не переживай. Ведь и аудитория не всегда поспевает за говорящим. А посему: чем быстрее оратор, тем медленнее переводчик.

3. Главное предложение – твой спасательный круг. Придаточное к нему всегда еще можно привесить. А вот если начнешь с придаточного, то оно может потонуть раньше, чем всплывет главное – и кораблекрушение неизбежно.

4. Не давай себя запутать цифрами. Переводи с чувством и расстановкой примерно каждое третье число и говори по возможности чаще «И так далее». Если эти цифры действительно так уж интересуют участников, то они смогут ознакомиться с ними по материалам конференции. Если же не интересуют, то тебе еще будут благодарны за то, что ты освободил от лишних забот.

5. Если у тебя есть письменный текст речи, то переводи с него, не мучаясь сомнениями, и не давай оратору сбивать себя. Не ты же, в конце концов, виноват в его выкрутасах, а слушатели едва ли что-нибудь заметят (куда им!). Главное – закончить речь одновременно с оратором.

6. Если публика смеется какой-нибудь шутке, смысл которой ты не уловил, скажи спокойно: «Оратор рассмешил публику непереводаемой игрой слов». Как-никак утешение для слушателей перевода.

7. Не смущайся по поводу сугубо специальных терминов. Самое непонятное иностранное слово наверняка внушит слушателям большее

уважение к переводчику, чем растерянное молчание в наушниках. Итак: латинизмы, выручайте!

8. Переводчика-новичка сразу же выдают словесные паразиты (значит, так сказать, как бы и т. п.). Значит, если ты не хочешь, чтоб тебя сразу раскусили, то, значит, заменяй каждое «значит» благозвучными тирадами типа «по моему разумению», «насколько я могу судить» или «ввиду сложившихся обстоятельств» и т. д. Достоинство приведенных оборотов в том, что благодаря своим длиннотам они позволяют замаскировать затянувшиеся паузы.

9. Не переживай по поводу допущенных ошибок. Микрофон, наушники и система усиления речи отнюдь не делают тебя электронным переводящим устройством. А человеку свойственно ошибаться!

10. Ну а в остальном следуй «Десяти заповедям синхрониста»:

- Не робей!
- Не кашляй!
- Не вздыхай!
- Не зевай!
- Не мечтай!
- Не заикайся!
- Не коверкай язык!
- Не молчи!
- Не ругайся! (ни на иностранном языке, ни по-русски)
- Не сдавайся! Переводи!

Подчеркнем, что эти рекомендации, сформулированные с тонким чувством юмора, дает человек, переводивший Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, то есть работавший с первыми лицами государства.

Переводчики, работающие на самом высоком уровне, часто не имеют ученых степеней и званий.

Переводчику нередко приходится выполнять поручения, имеющие к его непосредственным обязанностям весьма отдаленный характер: договориться и организовать для военного руководства охоту; разместить по поручению начальства объявления в газетах и т. п.

Переводчик постепенно приобретает глубокие знания о стране изучаемого языка. Его рассматривают как специалиста в сфере экономики, политики данной страны, знающего всех главных общественно-политических деятелей в лицо, берут на самые ответственные встречи, прислушиваются к советам и рекомендациям.

Попытаемся сделать некоторые выводы о качествах и компетенциях переводчика, занимающегося преимущественно устным переводом.

1. Определенные способности, необходимые переводчику, могут быть даны человеку от природы. К таким качествам, определяющим

профессиональную пригодность к переводческой деятельности, относятся речевая реактивность (способность быстро воспринимать чужую речь и также быстро порождать свою), быстрая переключаемость с одного языка на другой, интеллигентность, хорошая память, умение находить выход из сложных ситуаций, выносливость, способность контактировать с представителями разных возрастных и социальных групп, психическая устойчивость.

2. Психической устойчивости многие специалисты по переводу отводят одно из первых мест среди качеств профессиональной пригодности, что неслучайно. Такие факторы, как долгое говорение, повышенная скорость речи, постоянное переключение с одного языка на другой, необходимость в течение длительного времени следить за ходом чужих мыслей, неизбежно приводят к психическим перегрузкам.

3. В условиях постоянно возрастающей сложности и интенсивности труда, переводчику во всех видах и жанрах и при любой специализации необходима высокая работоспособность и хорошая физическая форма.

4. Изначальное наличие у переводчика черт характера и нервно-психических качеств, соответствующих выбранному профилю переводческой сферы, может сделать эту деятельность более эффективной и вызывающей меньшее количество негативных эмоций и психологических перегрузок.

5. Контактность, как одно из важных качеств профессионального переводчика – это, прежде всего, готовность переводчика к установлению диалога между представителями разных стран и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цвиллинг, М. Я. Советы синхронным переводчикам и тем, кто хотел бы стать таковыми, от М. Я. Цвиллинга // Тетради переводчика. – М. : Международные отношения, 1964. – № 2. – С. 121–122.